

К 556

К Р О К О Д И Л

ВЕЖЛИВЫЙ СТРИГУН

„ПАРИКМАХЕР“: — Вас не беспокоит?!

Ю. Ганфа 34
Рис. Ю. Ганфа

У П А Р О М А

Теплый июньский день. Легкие тучки небесные — вечные странники — после очень короткого привала над Ульяновском пустились в дальнейший путь, — их можно видеть уже только на краю горизонта. Камни мостовой еще хранят на себе следы прошедшего недавно дождя. Но солнце уже господствует и над неровными улицами, и над пристанью, и водной гладью Волги.

Город возвышается над рекой сотнями ступенек, составляющих непонятную приезжим гордость ульяновцев. Еще с середины реки пассажиры бросают мрачные взгляды на гору, словно измеряя еще раз трудность восхождения в город.

Сейчас паром, именуемый здесь паромом, обогнал островок, покрытый зеленью, вышел на середину реки и медленно, важно приближается к пристани Ульяновска, дебаркадеру, где висит лаконичная вывеска:

ГОР. ПЕРЕВОЗ

С большой высоты заметив паром, шофер Миша убыстряет навстречу ему бег своего форда. Непривычный к здешним дорогам приезжий, сидящий рядом с шофером, начинает выделять самые причудливые движения: то вскинется на полметра от сиденья, то саданет в бок соседа Мишу, то головой невольно пробует крепость мутного стекла «триплекс» отечественной выработки. Стекло скрипит, но не поддается. И приезжий смущенно бормочет:

— Дорога у вас, того... неприятная дорога. По такой дороге того гляди — машину сломаешь...

— Еще как! — весело откликается Миша. — Сколько машин уже угробили здесь. Да вот сейчас к самому интересному месту под'езжаем...

Машина делает отчаянный прыжок и застревает между вторым и третьим буграми, в колдобине солидной глубины.

— Тьфу, чорт! — ругается он сочным тенором. — Неужто опять мало газу дал?

Миша вылезает из-за руля, сокрушенно осматривает колеса, рессоры, для чего-то подвинчивает гайки, вновь садится за руль. Машина пыхтит, пятится назад, вновь и вновь подпрыгивает и, заражая воздух перегаром бензина, наконец, вылезает из «интересного места». Миша сразу берет полный ход. Но торопиться собственно не-зачем. Паром только подходит к пристани. Предстоит еще длинная церемония: сначала сойдут пешие, затем с'едут на берег автомашины и, наконец, конные подводки. Паром еще легонько подметут, начнутся звонки — сигналы посадки... В общем, канитель еще долгая.

Вытирая пот, Миша покинул свой форд и оглянулся. Неподдалеку стоит большая гробовидная машина старинной американской марки «Додж». У машины — долговязый и гололобый шофер и пассажир — плотный дяденька. Они очень обрадовались Мише, приветливо машут руками и решительно двинулись к нему.

— Степану Моисеевичу почтенье! — приветствует подошедшего дяденьку шофер Миша. — И тебе, гололобый, тоже.

— Как с'ехал, ничего? — весело спрашивает Мишу Степан Моисеевич. — Я вот глядел, как ты у интересного места брыкался. Смехота!

Степан Моисеевич — по виду очень добродушный человек. Рыжая щетина давно небритого лица и мышино-серая рубашка того цвета, который опытные люди называют «смерть прачкам», еще больше оттеняют добродушие и ленивую невозмутимость Степана Моисеевича.

— Вниз ехать здесь еще ничего, способно. Вот вверх подняться — это да! — задумчиво говорит Моисей и вдруг оживляется, услышав гудок подошедшего парома.

С парома в'езжают на берег три автомашины — две грузовых, одна легковая — и медленно начинают подыматься в гору. На лице Степана Моисеевича радостное возбуждение, быстро передающееся Мише и гололобому шоферу.

— Это военная машина, — шепчет Моисей гололобому. — Петька ведет. Ни за что он не в'едет слабо ему, вот увидишь, — и кричит шоферу грузовика:

— Газуй, газуй, чортов сын, все одно не выедешь! Тут и не такие, как ты, застревают! Газуй! — истошно вопит он, когда машина приближается к «интересному месту».

С неослабевающим интересом следит вся компания, как подкрадывается грузовик к решающему перевалу. Азартom заражаются и приезжий, и шофера свади идущих машин, и бородатый подвончик, ожидающий своей очереди — померяться силами с дорогой в город.

— Так и есть, застрял! — кричит Миша.

На лице гололобого проскальзывает ехидная улыбка, а Степан Моисеевич входит в раж:

— Разве ж так ездят! Тут, понимаешь, вверх-вниз, как по волнам, качает, — надо полный газ давать. А то враз застрянешь, — уж я знаю!

Машину начинают вытаскивать прохожие, сошедшие на зрелище, скучающий продавец воды, посетители соседней пивной. Общими усилиями машина, с помятыми рессорами, прихрамывая, тянется вверх.

Очередь за следующей легковой. Но тут раздается гудок — посадка. Разочарованный Степан Моисеевич и чем-то довольный гололобый плетутся к своему гробовидному «Доджу» и первыми в'езжают на паром. За ними следом — Миша.

— Стара больно машина, — говорит Миша приезжему, указывая на «Додж». — Стара, еще в 1921 году у американцев куплена. А ничего, Степан Моисеевич ездит на ней. Очень интересуется у нас Моисей машинами, не может равнодушно видеть.

— А кто он такой? Чем занимается ваш Степан Моисеевич? — спрашивает помрачневший приезжий.

— Как, разве не знаете? Да он у нас известнейший человек на весь город. Только спроси Степана Моисеевича Храпа, — всякий мальчишка знает. Он ведь у нас председатель Автодора...

— Как?! — резко переспрашивает приезжий. — Что вы сказали?

— Председатель Автодора, говорю. По нашей, значит, автомобильной и дорожной части — за дорогами следит и все такое...

Приезжий мрачнеет еще больше и умолкает.

...Погрузка кончена. Третий гудок. Паром медленно отходит от берега. У дверцы «Доджа» оживленно переговариваются Степан Храп со своим гололобым шофером. С севера снова напозают тучи. Приезжий оглядывается.

Серым ужом вьется дорога в Ульяновск, и на ней неподвижной точкой стоит застрявшая-таки третья грузовая машина...

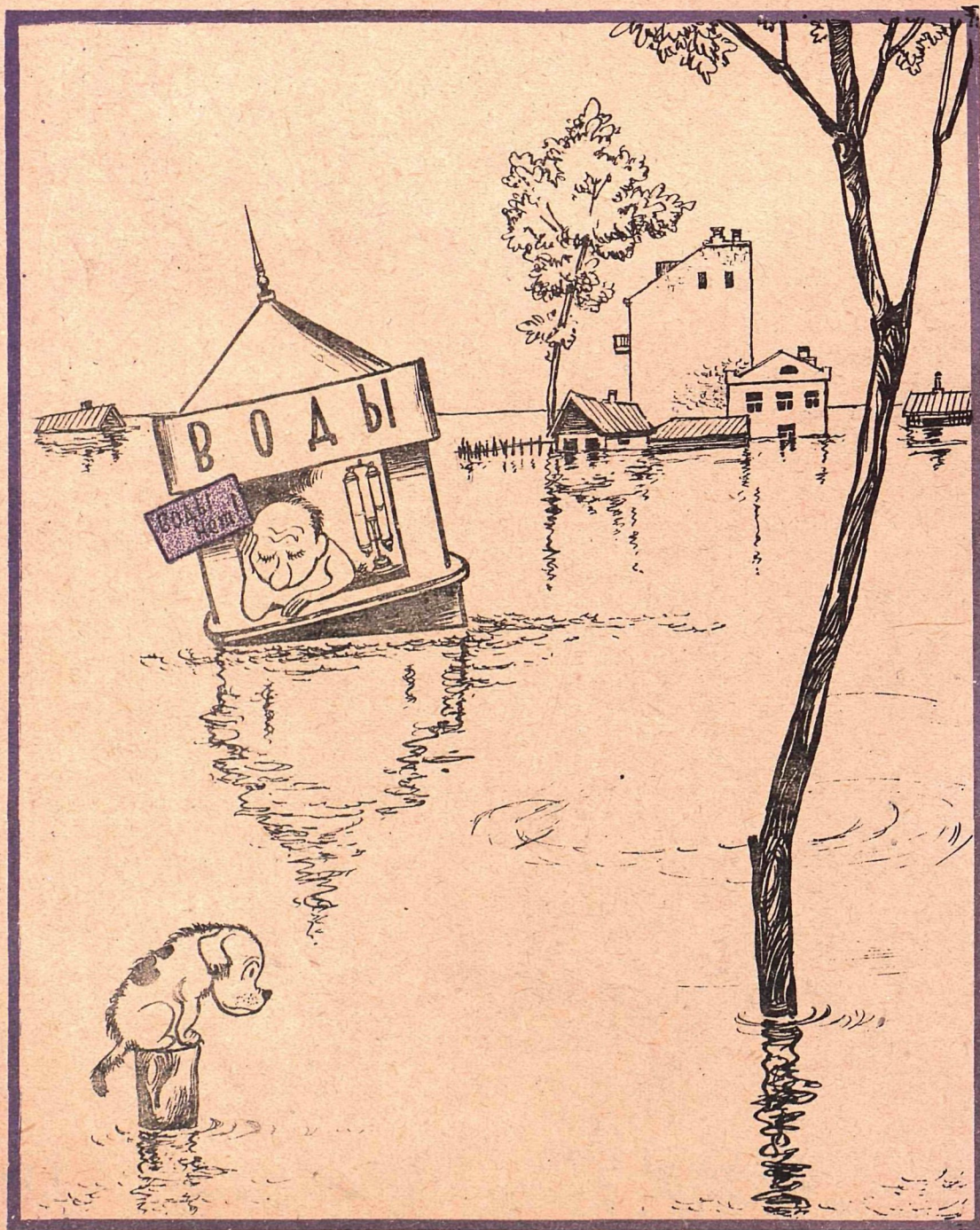

Рис. М. Храпковского

Л. РОВИНСКИЙ

Действующие лица: **Доктор.**
Пациент.

(Кабинет. Доктор моет руки. Вытирает их полотенцем. Затем открывает дверь.)

ДОКТОР: — Следующий!

ПАЦИЕНТ (стремительно вбегает и падает на стул): — Нет, это ужасно! Я больше не могу!

ДОКТОР: — Успокойтесь, пожалуйста.

ПАЦИЕНТ: — Легко вам говорить — «успокойтесь»! Вы, конечно, извините, но я совершенно развинтился, просто не знаю, что со мной...

ДОКТОР: — Спокойно. Дайте пульсик.

ПАЦИЕНТ (раздраженно): — «Пульсик», «пульсик»!

ДОКТОР: — Не волнуйтесь. (Считает). Семнадцать, восемнадцать...

ПАЦИЕНТ (плачущим голосом): — Сил моих нет!

ДОКТОР: — Так. (Прячет часы в жилетный карман). Как сон?

ПАЦИЕНТ: — Ну, что вы спрашиваете, честное слово! Две недели не сплю.

ДОКТОР: — Аппетитик?

ПАЦИЕНТ: — Какой там к чорту «аппетитик»! Просто смотреть на еду не могу. «Аппетитик»! Ха-ха-ха!

ДОКТОР: — Успокойтесь. Понюхайте из этого флакона. Ничего, ничего. Все будет прекрасно. Ну, что, теперь лучше?

(**ПАЦИЕНТ** тихо плачет).

ДОКТОР (гладит его по голове): — Ну, ну, это у вас нервное. Выпейте вот этого. Видите, теперь совсем хорошо.

ПАЦИЕНТ: — Спасибо, доктор.

ДОКТОР: — Что-ж, ничего не поделаешь, — нужно будет серьезно лечиться. У вас сильнейшая нервастения. Значит, так: во-первых, никаких волнений и беспокойства. Если вам будет очень плохо, принимайте капли, я вам тут выписал рецепт. И обязательно каждый день берите тепленькую ванночку, градусов 27—28, не больше.

ПАЦИЕНТ: — Не больше?

ДОКТОР: — Ни в коем случае. У вас есть ванна?

ПАЦИЕНТ: — Ванны нет.

ДОКТОР: — Это хуже.

ПАЦИЕНТ: — Я, понимаете, должен был получить квартиру. Я, видите, состою в жилищно-кооперативе «Инженерник». Уже и общее собрание меня утвердило и правление...

ДОКТОР: — Спокойней, спокойней...

ПАЦИЕНТ: — ...И ревизионная комиссия несколько раз делала заклю-

чение в мою пользу. Я так изнервничался...

ДОКТОР: — Не волнуйтесь.

ПАЦИЕНТ: — Наконец получаю ордер, все честь честью, две комнаты, ванна, правда, северная сторона, но уже чорт с ней, газ, одним словом, — рай. И вот...

ДОКТОР: — Нельзя же так, голубчик, понюхайте.

ПАЦИЕНТ: — ...И вот, на прошлой неделе приезжаю я с вещами, как дурак, на двух грузовиках — и что б вы думали! — в моей квартире уже живут. И кто, главное дело, — председатель ревизионной комиссии, тот самый, который несколько раз давал заключение в мою пользу!..

ДОКТОР: — Однако, знаете, ловко они вас!

ПАЦИЕНТ: — Это целая банда, смею вас уведомить.

ДОКТОР: — Вот и у нас...

ПАЦИЕНТ: — Два года они меня обманывали, нагло и подло обманывали!

ДОКТОР: — Какие негодяи! Но ведь у вас был ордер?

ПАЦИЕНТ: — Ордер аннулировали. У них это просто делается.

ДОКТОР: — Вот у нас то же самое. (Быстро ходит по комнате). Я состою в эржэскате «Московский психиатр», и вы думаете, там лучше? Такие же бандиты, как у вас! Даже хуже!

ПАЦИЕНТ: — Ну, хуже! Это вы, доктор, так... чтоб меня успокоить.

ДОКТОР (горячится): — Уверю вас, что хуже! Это шакалы! Вы знаете, что они со мной сделали?

ПАЦИЕНТ: — Наверно, какую-нибудь подлость.

ДОКТОР: — «Подлость»! Это мягко сказано — «подлость». Это... Я не нахожу слов!

ПАЦИЕНТ: — Не волнуйтесь, доктор.

ДОКТОР: — Вам легко говорить: «не волнуйтесь». Понимаете, состою в «Московском психиатре» шесть лет, пай перевыполнил вдвое, веду там большую общественную работу. Надрываюсь, ночей не сплю...

ПАЦИЕНТ: — Спокойней, спокойней...

ДОКТОР: — Обещали мне квартиру тысячу раз. Имел на нее прав больше всех. Наконец я в этом «Психиатре» единственный психиатр. Остальные ничего общего с медициной

ЧУДЕСА АРХИТЕКТУРЫ

Рис. Л. Генча

В Туле выстроили гостиницу, по внешнему виду смахивающую на тюрьму.

ПРИЕЗЖИЙ: — Без приговора суда я в эту гостиницу ни за что не пойду!..

не имеют. Ну, думаю, если на этот раз не дадут, тогда...

ПАЦИЕНТ: — Что с вами, доктор? На вас лица нет!! Выпейте воды.

ДОКТОР (стуча зубами о стакан): — Приезжаю с вещами...

ПАЦИЕНТ: — Доктор, доктор, нельзя же так. Вот, понюхайте. Это, кажется, нашатырный спирт.

ДОКТОР: — ...А там уже, ха-ха живет шурин нашего председателя правления!.. Ха-ха-ха!..

ПАЦИЕНТ: — Успокойтесь! Ну, я вас прошу! Доктор! Доктор! Что мне теперь с ним делать? Пульс у него попробовать, что ли? Дайте-ка пульсик. (Вынимает из кармана доктора часы и считает). Двадцать девять,

тридцать, тридцать один... Что-то очень много. А как у вас сон?

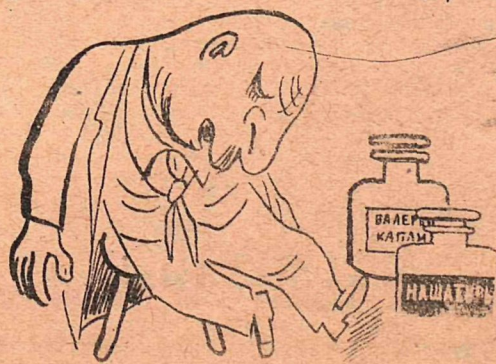
ДОКТОР: — Какой там к чортовой бабушке сон? Уже месяц не сплю из-за этой проклятой квартиры!!

ПАЦИЕНТ: — Это у вас нервное, доктор. Аппетитик есть?

ДОКТОР: — «Аппетитик»? Ха-ха-ха!.. (Истерика).

ПАЦИЕНТ (гладит доктора по голове): — Не везет мне с лечением. Уже к пятому доктору прихожу и вот, пожалуйста... Прямо беда с этими докторами! (Пожимает плечами, открывает дверь и уверенно кричит). Кто следующий? Можете идти домой, приема больше не будет!..

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

Иллюстрации Л. Бродаты

ХУДОЖНИК:—Дорогой Василий Васильевич! Надеюсь, как человек культурный вы не обидитесь на этот дружеский шарж!

ПРОГРАММА-МИНИМУМ ГРАМОТНОСТИ

О спектаклях Первого государственного польского театра все единодушно отзываются:

— Хорошая программа!

О выпущенных этим театром программах отзывы не менее единодушны. Все сходятся на том, что — это плохие программы!

Вот как аттестуется пьеса В. Миколоюка «17»:

После собрания Долотов в разговоре с Сергеем о наивности в организации провокатора указывает смерть 4-х коммунистов с 4-мя револьверами, которые показывал Гроза Иде делая вывод, что 4х коммунистов расстрелял Гроза и что провокатор Ида.

...У Ворона в квартире бал. Мери тонко издевается над бессилием денкинцев. Ворон расшифровывает причины данного бессилия.

...Петренко плюет в лицо смерти и танцует польку.

Приводим отрывок из аннотации о мольеровском «Мещанине во дворянстве»:

Государственный Польский Театр включил эту пьесу в репертуар для того, чтобы познакомить нашего зрителя с классическим наследием, пропустив ее (!) критически через нашу приему восприятия...

Автору этой аннотации не мешало бы «пропустить ее через призму восприятия» не только критически, но также и грамматически.

В таком же стиле — отзыв о пьесе М. Кулиша «Возвращение Марка»:

Пророк Зосим изучает Анти-Дюринга, тщетно желая использовать ее (!) в борьбе против советской власти. К нему приходят Ильиченко и Матрена и рассказывают, что с них сорвана маска и просят о помощи. Зосим объявляет себя банкротом.

...В хате Романа идет оргия. Кулак Ильиченко торжествует. Входит Марно и раскрывает лицо кулака.

...Середняки не хотят вступать в коллектив, а идут так называемой средней линией. Марно разбивает эту теорию. Крестьяне расходятся. Колхозники торжествуют, что они стоят на правильном пути. Отец Марка прибит всем слышанным.

«Прибиты всем слышанным» также и бедные читатели программ...

ДЕЛАЕТСЯ ЛЕГКО И ПРОСТО

Занятие астрологическими предсказаниями, повидимому, становится в Западной Европе и почетным и прибыльным. И во всяком случае, делом влиятельным.

На-днях профессор Пикар хотел подняться на стратостате. Мадам Пикар позанималась за день до этого у себя в будуаре, капитально переговорила со звездами и кое-какими подходящими планетами и наутро директивно заявила:

— Мы с Сатурном против.

— Позволь, кошечка, — миролюбиво, но опасливо возразил озадаченный профессор, — не Сатурн же полетит, а я. Что он мне, твой Сатурн, — дядя, что ли...

— А Венера? — уже несколько сухо сказано мадам Пикар.

— И Венера против? Что ты говоришь? Так и сказала?

— Я уже не говорю о Большой и Малой Медведицах, — угрожающе добавила мадам Пикар, пододвигая к себе туфлю.

— Ну, уж если и Малая Медведица накапала, — вздохнул профессор Пикар, — положеньице паршивенькое. Придется оставаться. Вели подавать завтракать. Жан! Распряги стратостат!

Допустим, что это дело семейное. Но мы знаем, что влияние астрологов-предсказателей уже вышло из круга семьи и пользуется неограниченным влиянием. Как же это так получается, — спросит любознательный читатель? А так, — ответим мы ему. Очень просто:

В средние века заниматься астрологией было действительно трудновато и немного рискованно. Во всяком случае, шумной карьеры это не делало.

Если астролог предсказывал удачно, но пессимистически, его немедленно вешали. Если он предсказывал неудачно, но оптимистически, его тоже вешали. И тоже немедленно. Как видит читатель, выбор был небольшой, но бесперспективный.

Теперь в тех же местах астрологией заниматься гораздо безопаснее и легче. В астрологи идут бывшие маркеры, адвокаты, лидеры парламентских групп, вдовы сбежавших аферистов, бывшие министры без портфеля и просто нормальные жулики без особых примет. Слава и популярность сегодняшними астрологами достигаются очень несложными и легко изученными способами.

К астрологу Фрикассо приходит фабрикант обуви Пижоль, протягивает свою визитную карточку и со стоном вдавливаясь в отельное кресло.

— Я бы хотел, — начинает он монотонно гудеть, — узнать у вас...

— Знаю, — перебивает его астролог, посмотрев на визитную карточку и на форточку, сквозь которую виднеется какая-то завалающая неказистая звезда, — вы хотите спросить, как будут дела с вашей фабрикой?

— Откуда вы знаете? — с благоговейным ужасом хрипит посетитель.

— Она сказала, — солидно показывает астролог мизинцем на неказистую звездочку в форточку, — зайдите завтра в час ночи. Деньги вперед. Триста. Можете гудьденами. Можете франками. Наука не чуждается и долларов. Пьер, проводи господина.

Следующий посетитель, отрекомендовавшись директором банка «Дуль-Муль и К^о», пришел посоветоваться со звездами, как насчет дальнейшего.

— Насчет банков специалист Сатурн, — деловито говорит астролог, пересчитывая аванс. — Юпитер, тот больше по части оптовых складов и колониальных заказов. Сегодня же войду в контакт с Сатурном. Зайдите в четверг. Если потребуются мелкие расходы на другие планеты, — извещу телеграфом. Пьер, подай пальто господину.

Потом, в порядке живой очереди, приходят бывшие министры, парламентские вожди, графини со связями, национал-социалисты и лица других подозрительных профессий.

Астролог Фрикассо разговаривает дальше уже усталым и рассеянным тоном, зачастую путая посетителей, их профессии и заинтересованность в звездах.

— Фамилия? Рибер? Бывший министр земледелия? Ах да, почт и телеграфов. Так. Желаете узнать, когда лопнете? Виноват... Раскроется ли дело с акциями? Зайдите в среду в десять... Вы тоже Рибер?

— Я Дульч. Национал-социалист.

— Так, так... Что желаете узнать?

— На улице Фердинанда жил один профессор...

— Так, так... Желаете узнать, раскроется ли дело об убийстве профессора, и куда лучше скрыть чемодан с деньгами? Сегодня же запрошу Млечный Путь. Зайдите десятого. Пьер, прими у господина аванс и подай пальто.

Когда прием кончается, астролог Фрикассо быстро надевает визитку и всовывает цветочек в петлицу. Ему надо торопиться в клуб, где он является коммерческим директором передвижной артели карточных шулеров. Находу он бросает камердинеру:

— Пьер, займись!

Пьер садится за стол и внимательно изучает сегодняшние утренние и вечерние газеты, с особенной тщательностью проглядывая экономическую и биржевую хронику. Через полчаса все перспективы становятся ясными, и он спокойно подписывает на визитных карточках:

— Фабрикант обуви Пижоль. «Фабрика лопнет через четыре месяца (Сатурн и Венера)». Попробуй, не лопни при нынешнем состоянии обувного рынка, — схибно усмехается он, — это тебе не звезды говорят, а я. Это тебе всякий скажет, если сам не понимаешь. Директор банка... Какого это банка?.. Впрочем, все равно. «Лопнет через два месяца (Венера и Сатурн)». Парламентарий Дульч... Так... «Все раскроется, но будь спокоен. Свои выручат (Большая Медведица и Кассиопея)». Дульч. Национал-социалист. «Все раскроется, но свои выручат. Будь спокоен (Луна, Юпитер и др.)»...

Промаха никогда не бывает. Фабрика наверняка лопнет. Банк тоже. И не было еще случая, чтобы свои не выручали. Если этого не знают звезды, — это их частное дело. Остальные знают. И через три месяца в салонах несется радостный шопот:

— Неужели вы еще не были у астролога Фрикассо? Ведь от этого человека ничего не может скрыться! Сами понимаете — звезды!

Нужно ли после этого еще раз говорить, что астрология — самое выгодное занятие?

СТАРОБАРДИНСКИЕ СУЛТАНЫ

В древнейшие времена деспоты разных мастей неоднократно требовали от своих штатных мудрецов немедленно сообщить о наличии небесных светил на первое число данного месяца. Мудрецам предлагалось тут же, не отходя от трона, представить также и проверенные сведения о состоянии песка на дне морского как в количественном, так и в качественном выражении.

Если мудрец попадался хитрый, выдавший виды, он, немного для приличия подумав, сообщал зарвавшемуся деспоту первую попавшуюся в голову двудесятизначную цифру. Иногда он для большей убедительности тут же требовал немедленного создания авторитетной комиссии для проверки правильности объявленной цифры.

— Я, — говорил хитрый мудрец, — даром свой хлеб есть не хочу. Я, — говорил хитрый мудрец, — положу, а комиссия пусть пока подсчитает песочек.

Эффект получался самый потрясающий. Пытливый царь удивился, что у него в штате такой образованный человек, публично целовал мудреца в высокий лоб и выдавал за него свою самую красивую дочь, дабы удержать его около себя на всю жизнь и обеспечить себе умных внуков.

Если же мудрец попадался откровенный и добросовестный, то ему за отказ сообщить запрещенные сведения немедленно под одобрительные крики придворных холодов отрубали голову.

Скажем прямо, в Старобардинском районе, Западносибирского края, царей, деспотов, султанов и ханов не было. Но некоторых пытливых районных работников так и тянет задать царского ума вопросец. Такое, чтобы было и занятно, и смело, и невыполнимо.

Правда, масштаб не тот. Султаны и короли главным образом интересовались количеством звезд и морского песка. И обязательно в мировом масштабе.

А в Старобардинском районе — там больше по мышиной части. И в пределах сельсоветской действительности.

27 июня райздравотдел разослал всем сельсоветам района бланк сводки, которую в интересах вящего народного здоровья предлагалось в кратчайший срок заполнить чернилами и представить в район по принадлежности.

В одиннадцатом пункте сводки нужно было проставить, сколько мышей и крыс имелось вокруг домов, расположенных в районе деятельности данного сельсовета, в 1933 году и сколько — в 1934 году.

В двенадцатом пункте надлежало сообщить, увеличилось или уменьшилось в текущем году количество полевых крыс и мышей. Если да, то на сколько? Имеется ли среди них падеж? И если да, то сколько мышьединиц дохнет и сколько крыс? Сведения нужны дифференцированные. Отдельно по мышам и отдельно по крысам.

В райздравотделе сидят и ждут ответа на герзавший их вопрос. А в сельсоветах Старобардинского района смятение. Врать или не врать? И если врать, то как, с оговорками или безоговорочно? А может быть, запрячь лошадь, поехать в район и повалиться в ноги заведующему райздравотделом.

— Не веди, мол, казнить, вели слово молвить. Твоя воля, батюшка, но нет нашей возможности мышей и крыс подсчитывать. Они, благодетель, от учета укрываются.

Не может быть, чтобы пытливый райздрав не простил. Самое лучшее, выговор объявит и отпустит с честью. Дурак, дурак, а поймет наверно.

А хорошая, между прочим, в Западносибирском крае существует пословица: «девка пытлива больно, отвадить надо». Жаль, не умеют в Западной Сибири ценные пословицы в жизнь проводить. А надо бы!

Л КАРАУЛОВ

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

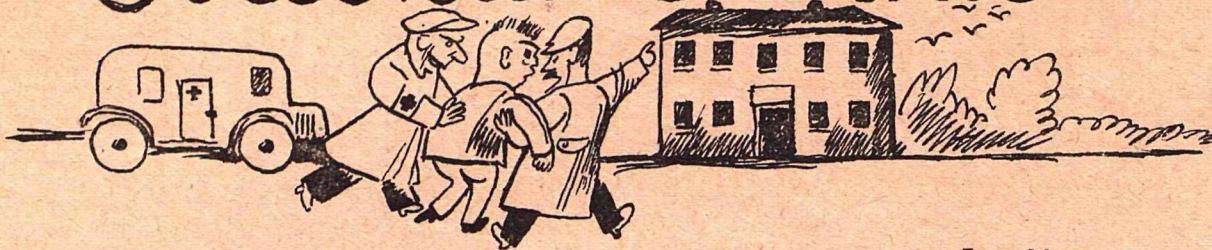
Рис. Ю. Ганфа

ВЫСОКАЯ ОСОБА (в сумасшедшем доме): — Все радостно приветствуют меня. Только один, крайний справа, молчит. В чем дело?

— Он не больной, ваше превосходительство. Он — здешний служащий.

Одесская сказка

Товарищ Карнаухов очень любит природу. Ранняя одесская весна неизменно рождала в душе товарища Карнаухова такое смутное томление, неопределенное ожидание чего-то прекрасного и активное желание сейчас же, немедленно, без отрыва от производства, сделать приятное своим ближним, сеять разумное, более или менее доброе, сеять вечное, нежно приласкать сирых и беззащитных вдов и сирот.

Девятого апреля текущего 1934 года упомянутые выше благородные чувства особенно теснили грудь товарища Карнаухова.

— Ах, как хорошо было бы, — мечтал он, — если бы мне сегодня же представилась возможность утереть слезы хоть одной вдовице и посылить помощь хоть одному сирому и беззащитному существу!

Как мы видим, сердце товарища Карнаухова волновали самые похвальные чувства. Нам тем более приятно отметить этот отрадный факт, что Евдокиму Федоровичу упомянутые чувства вменялись в непосредственную обязанность положением о круге прав заведующего городским отде-

лом здравоохранения и ответственного секретаря горсовета.

Страшно подумать, что все эти высокие импульсы Евдокима Федоровича так и остались бы нереализованными, если бы не Дора Марковна. Она вошла в кабинет ответственного секретаря горсовета и заведующего горздравотделом, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.

— Здравствуйте, Дора Марковна, — радужно приветствовал ее Карнаухов, — сколько лет, сколько зим! Как жизнь молодая?

— Ах, — отвечала гражданка Мойсеевич и тяжело вздохнула, — какая уж там моя жизнь. Известное дело — вдовья жизнь. А тут еще он такой грязный...

— Кто грязный? — учтиво полюбопытствовал Карнаухов.

— Сосед мой по квартире очень грязный, дорогой Евдоким Федорович. Он, извиняюсь, шизофреник. Прямо ума не приложу: что бы такое с ним сделать, с моим соседом, с гражданином Пожежинским?

Дора Марковна томно взглянула на товарища Карнаухова и всхлипнула.

— Не плачьте, Дора Марковна, — сказал расторопный товарищ Карнаухов и записал в свою записную книжку фамилию и адрес соседа гражданки Мойсеевич: «Пожежинский, Преображенская улица, дом № 11». Потом он черкнул записочку, вручил ее Доре Марковне. — Передайте эту записку, и все будет сделано. Я еще для верности звякну по телефону.

Через час за гражданином Пожежинским прибыла карета. Его отвезли в баню, помыли, причесали и снова посадили в карету. Карета, тархтя, покатила по веселым улицам Одессы.

— Вы, кажется, ошибаетесь, — деликатно намекнул Пожежинский сопровождавшему его гражданину, — на Преображенскую улицу нужно ехать совсем не в эту сторону.

Сопровождавший загадочно усмехнулся и ласково объяснил: погода чудесная, почему бы не прокатиться. Потом они проехали в какие-то ворота и подкатили к крыльцу. На крыльцо вышли два молодых человека в белых халатах, взяли побледневшего Пожежинского под руки и повели в помещение.

Это был сумасшедший дом.

Комната, числившаяся по домовому книге жакта дома № 11 по Преображенской улице за Ароном Евсеевичем Пожежинским, освободилась.

Комната! Свободная жилая площадь! Чарующая музыка квадратных метров! Сколько сердец начинает быстрее биться при одном упоминании этих сказочных слов!

Забились учащенно сердца и в доме № 11 на Преображенской улице.

Ордер на комнату Пожежинского получила Дора Марковна. Гражданка Мойсеевич. Пришлось, правда, напоследок принять бой с правлением жакта. Навязный жакт! Презренный жакт! Он считал, что у Доры Марковны не было никаких прав на получение комнаты.

Горсовет показал жакту права. Одесский городской совет рабочих и красноармейских депутатов в лице товарища Карнаухова «категорически предложил немедленно прекратить терроризирование Мойсеевич и отдать ей комнату».

Терроризирование прекратили. Комнату отдали. Пошли к уполномоченному комиссии партийного контроля. Рассмотрел уполномоченный дело Карнаухова и исключил его из партии. И передал дело в суд.

Был суд. Одесский областной суд. Со свидетелями. С защитой, обвинением и экспертами. Эксперты, взвешивали каждое слово, говорили учено, солидно и осторожно. И у всех выходило, что Пожежинского нельзя было помещать в сумасшедший дом. Для него вполне достаточно находиться под наблюдением психо-неврологического диспансера.

Суд выслушал свидетелей, выслушал выступления экспертов, прения сторон. Суд все выслушал. И суд вынес приговор. Он признал Карнаухова виновным. По второй части 100-й статьи Уголовного кодекса. Суд был беспощаден. Он приговорил Карнаухова к общественному порицанию. С оглашением в печати. Чтобы Карнаухову, Евдокиму Федоровичу, 39 лет, служащему, было стыдно.

Так решил суд. Но председатель суда был не согласен с приговором. Он считал его слишком мягким и заявил особое мнение. Он считал, что Карнаухова нужно было приговорить к принудительным работам. На один месяц.

Прокуратура опротестовала этот неслыханный приговор.

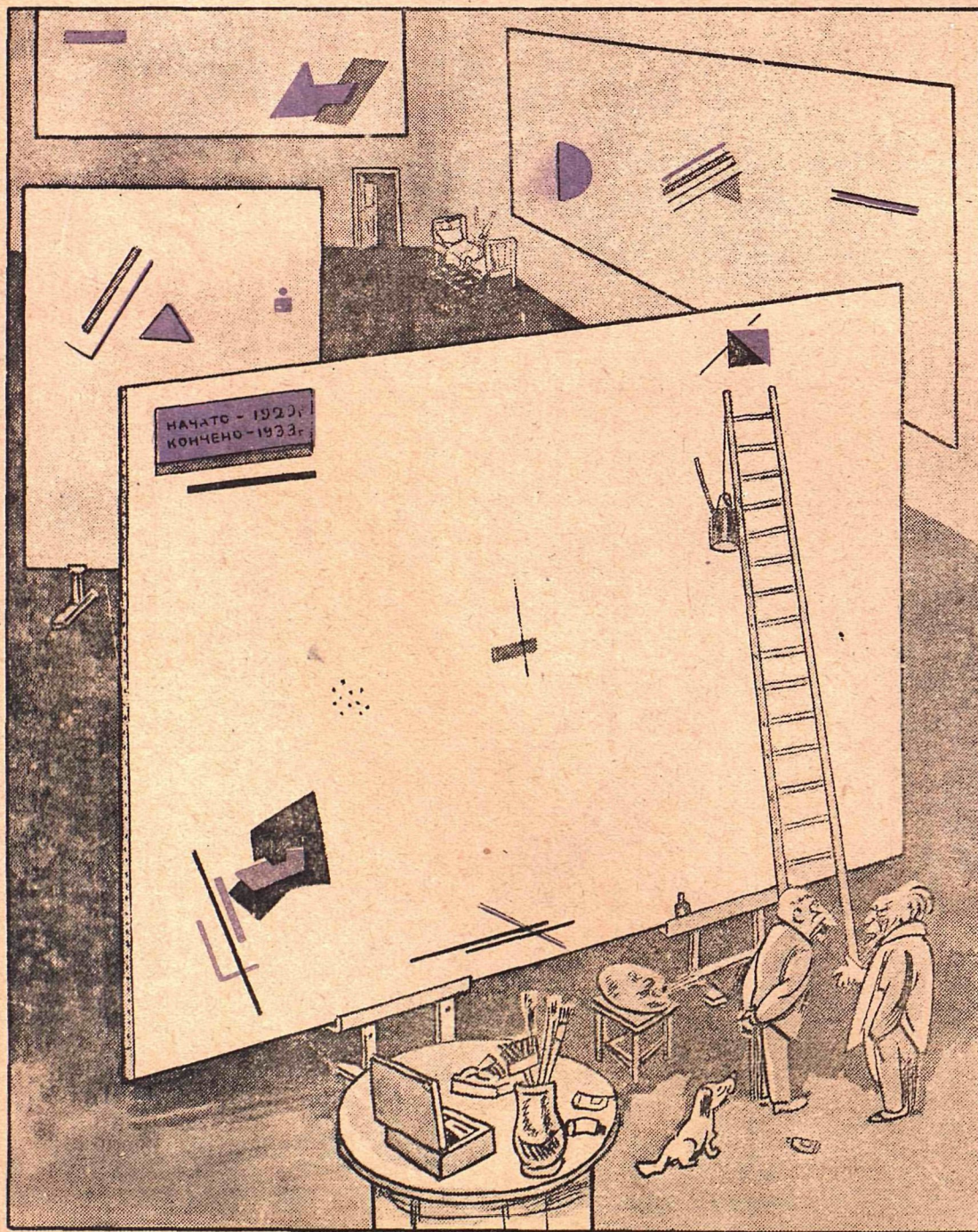
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело пересматривается.

Прошел месяц. Евдоким Федорович Карнаухов продолжает работать в Одессе. Попрежнему — на ответственной работе. Он — директор института скорой помощи. Чувствует себя неплохо. И в этом нет ничего удивительного. Одесса — чудесный город. Отличный климат. Много знакомых. И совершенно замечательные судьи...

Л. ЛАГИН

РАЗВЕРНУТЬСЯ НЕ ДАЮТ!

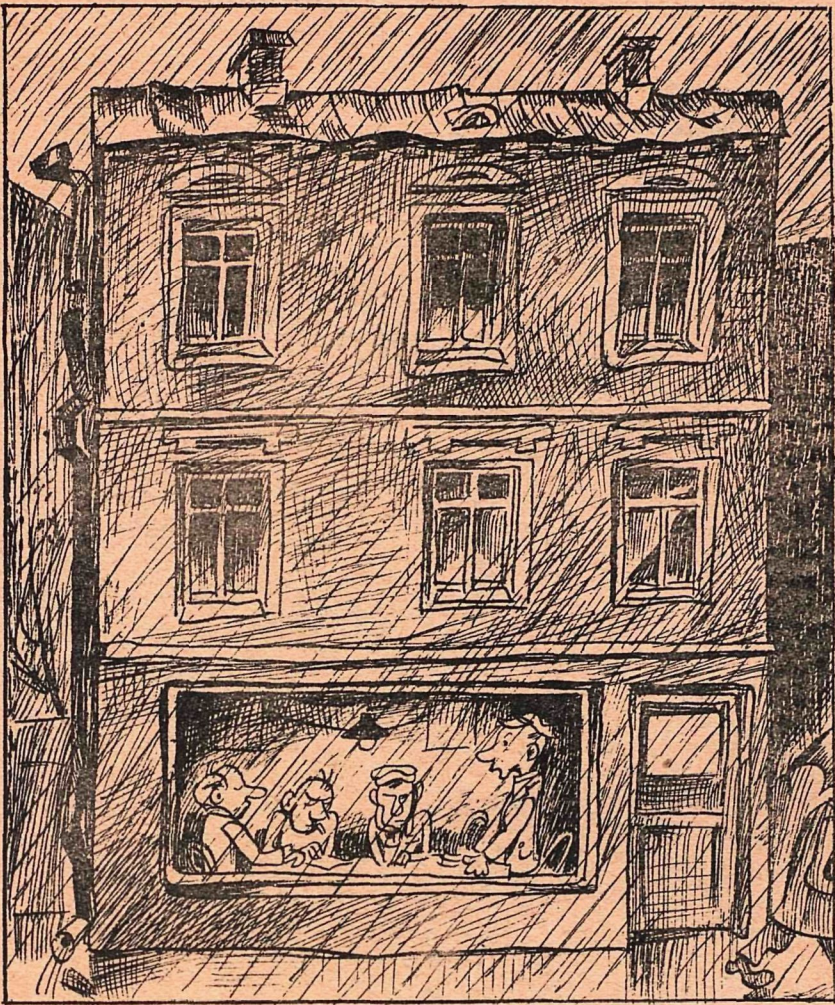
Рис. А. Радакова

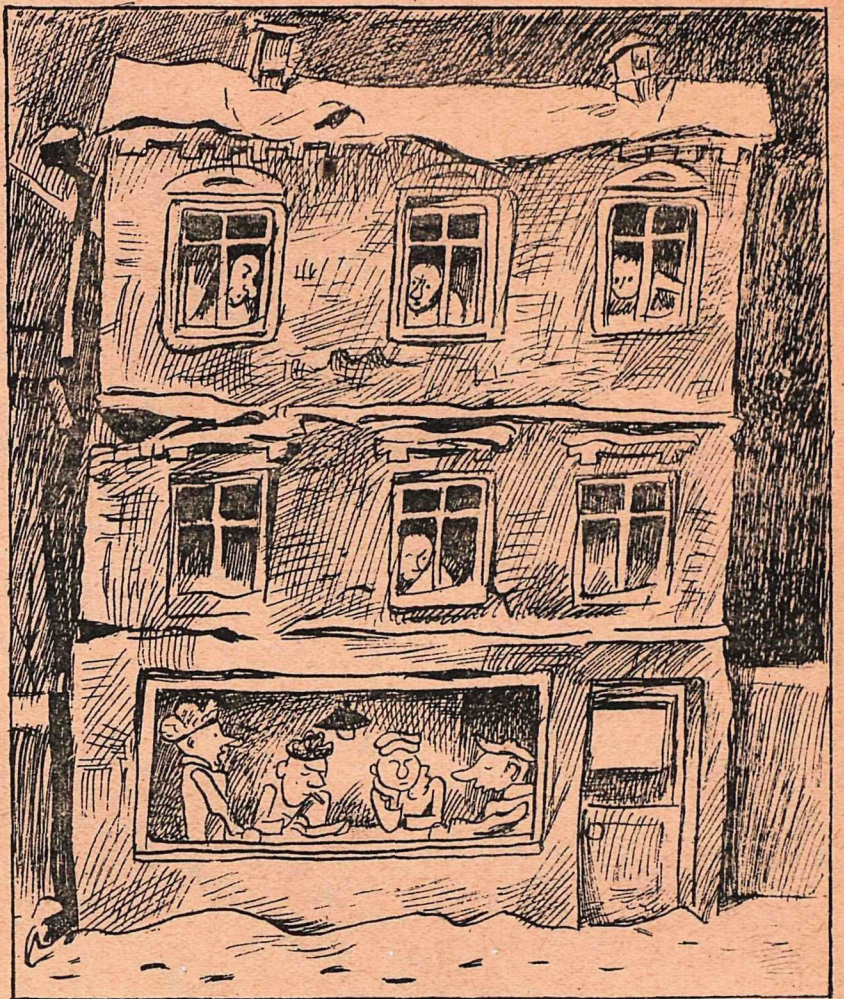
ХУДОЖНИК-ФОРМАЛИСТ: — Если бы не жилищный кризис, разве я такие маленькие картины рисовал бы!..

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

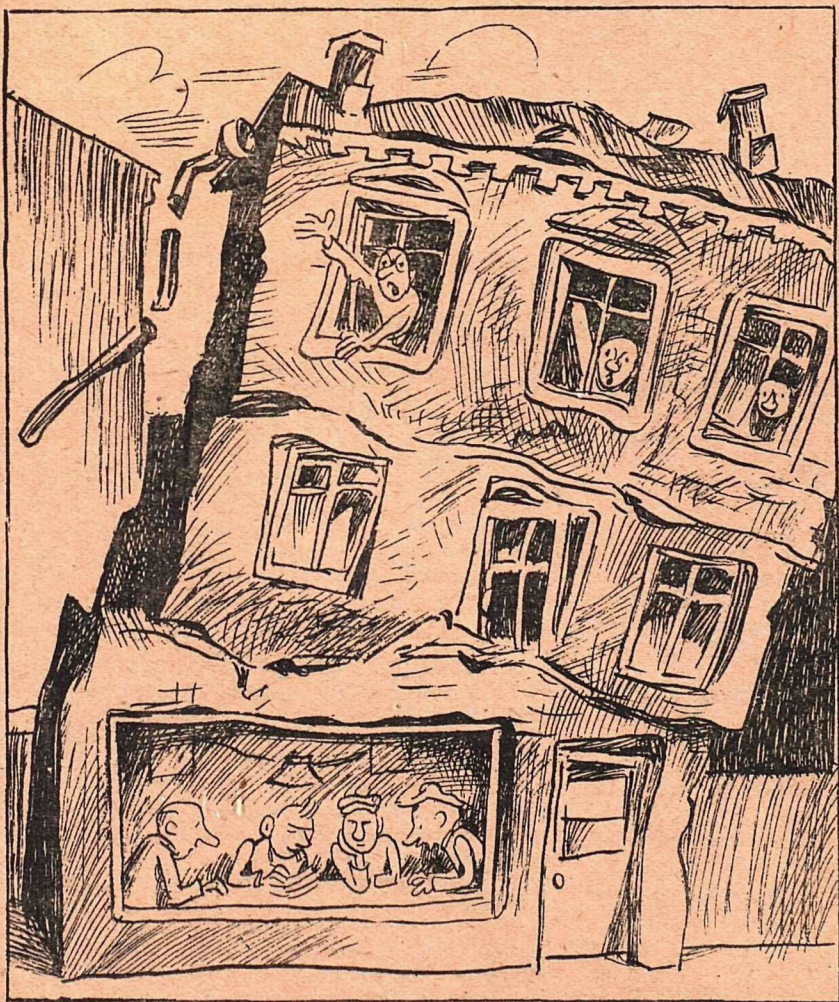
Рис. Б. Антоновского

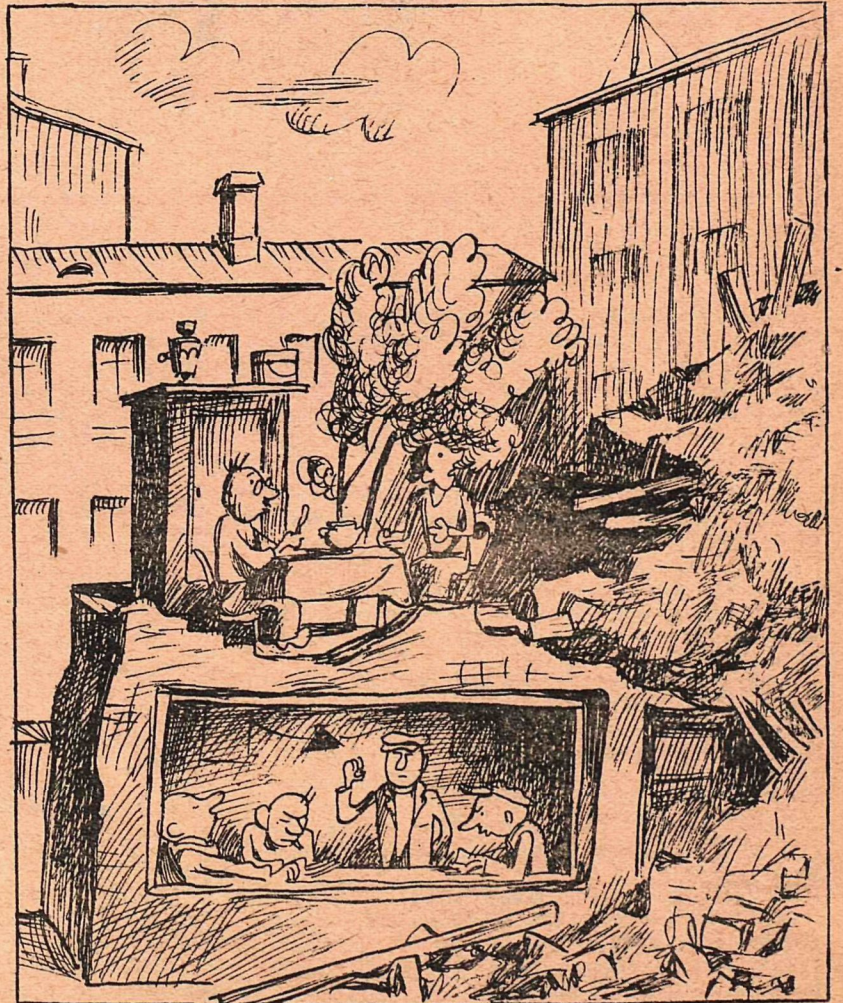
Осенью правление жакта вплотную приступило к обсуждению вопроса о ремонте дома...

Зимой наметился „перелом“...

Весной определился сдвиг...

И... заседание по вопросу о ремонте дома продолжается.

В МОНАСТЫРЕ

СТАКАН ВОДЫ

При последнем обследовании некоторых наших внутренних ресурсов выяснилось, что еще не все Гулливеры вырваны у нас с корнем.

Еще кое-где они здравствуют. И даже должны-сти занимают.

Росту они невеликого. Но дело не в сантиметрах. А в самочувствии.

И в небольшой порции фантазии. Кажется им, что они великаны, а мы с вами, а также наши интересы и заботы — что-то вроде маленьких точек.

Ничего ты с ним не поделаешь, с таким человеком. Хвали его, — не покраснеет. Клейми его повором, — не поможет. Он чувствует себя корабельной мачтой и плевать он хочет на все мелочи жизни.

— Мне ли заниматься кочками, когда имею призвание горами ворочать? Мне ли интересоваться спичками, когда в моей могучей груди бушует пламя мировых пожаров? Мне ли уделять драгоценное внимание какой-то там газированной воде, когда в мыслях безбрежные океаны?

Вот почему летом во многих наших городах все есть. И жара. И зной. И пыль. И жажда. И Бродтрест.

Одного только нет — стакана воды.

Нет воды! Еще не все наши города одолели эту неприступную крепость.

Туземным Гулливерам не до этого. Они углубились в мировые проблемы.

Даже в Москве только этим летом стало заметно какое-то движение газированной воды.

Другое дело — в Свердловске.

Там начали думать о летнем зное еще тогда, когда стояла осень на дворе.

И вот когда осень стояла на дворе, в учреждениях сидели. И думали.

Сидели и думали всю осень, всю зиму. Наконец додумались.

Двадцатого марта — эта историческая дата должна быть отмечена в летописях города Свердловска — был разрешен основной вопрос:

— О форме киосков для прохладительных напитков.

Дело двинулось вперед. Построили.

Но киоски надо покрасить. И тут выявились неожиданные трудности.

Догадливый читатель сейчас же скажет:

— Понимаю. Не оказалось краски.

Догадливый читатель на сей раз неправ. Краски имеются. Много красок. Разных красок.

В этом-то и трудности. Ибо в связи с этим возник в Свердловске горячий спор.

Выявилось несколько течений художественной мысли.

Одно течение — за зеленые краски, за цвет весны и салата.

Другое — только за синие краски, за цвет далеких, маяющих морей.

Третье — за голубые краски, за цвет безмятежных голубых небес.

Четвертое течение ратовало за цвет недожаренной яичницы.

Спорили крепко. Спорили долго. Бродтрест решил улагодворить все стороны. Он, — чтобы никому обидно не было, — установил на улицах киоски разных цветов. Тут тебе и салат, и море, и небеса, и яичница. Кому какой киоск по душе, — туда и ходи утолять жажду.

Уже в строй действующих гигантов должны были вступить киоски. Но тут возникло новое и весьма серьезное препятствие.

Дело в том, что заботу о насущных нуждах тру-

дящихся решил проявить областной отдел здравоохранения.

Там сидят политики дальнего прицела. Они тоже подумали. И подумали так:

— Хорошо. Трудящийся человек выпьет стакан воды. Будет жарко — выпьет два стакана. Поест перед этим селедки или воблы — выпьет три стакана. А потом? Можем ли мы этим ограничить наше попечение о трудящемся и его благополучии? Ведь надо все предвидеть, все предусмотреть...

Областной отдел здравоохранения потребовал на этом основании построить при каждом киоске... писсуар.

Короче говоря, чтоб причина и следствие стояли рядом.

Долго спорили по этому вопросу. Наконец уговорили свердловских ревнителей здравоохранения, что требуемые ими пристройки к киоскам будут воздвигаться потом — в порядке строительства второй очереди.

Почти все улажено. А вода?

Много воды утекло за это время. Много полноводных речей произнесено. И не мало таких же резолюций написано.

А о газированной воде как-то в суете и запамятовали.

И стоят киоски на улицах Свердловска, сияя на солнце всеми основными цветами современной радуги. И стоят пустые киоски, ввергая усталых пешеходов в соблазн.

Носятся слухи, что создавшимся положением особенно довольны свердловские здравоохранители.

— Вся эта история работает на нас, — говорят они, стыдливо улыбаясь. — Де-факто наше требование выполнено в первую очередь...

Г. РЫКЛИН

БЕЗ ПЕРЕМЕН

КАК Я СТАЛ ВОРОМ

Народный судья посмотрел на меня мягким взглядом и сказал:

— Объясните суду, подсудимый, что вас толкнуло на эту странную кражу?

Я откашлялся и бодро начал:

— Товарищи судьи, позвольте рассказать все по порядку. Итак, 24 июля текущего года утром со мной произошло несчастье. Надевая сорочку, я потерял заднюю запонку. Ту самую, которая держит воротничок. Надо вам сказать, товарищи судьи, что абсолютное большинство моих рубашек с пристегивающимися воротничками, так что без задней запонки мне никак не обойтись.

Как люди, умудренные житейским опытом, вы, наверное, заметили интересное явление природы: легче разыскать во льдах Арктики свой носовой платок, забытый на торосе в прошлом году, чем найти запонку, закатившуюся куда-то под комод у себя в комнате.

Тем не менее, я мужественно начал поиски. Двигал комоды, сворачивал шкафы, поднимал и встряхивал стулья. Запонки не было. Я обливался потом. Тогда я позвал на помощь Костю и Степу, сыновей соседки.

Отрекомендовавшись Ляпидевским и Каманиным, Костя и Степа охотно взялись за аварийно-спасательную работу. Однако они оказались чужды бескорыстия и потребовали оплаты в размере двух шоколадных конфет на нос каждому и по полтиннику звонкой монетой. Конфеты — вперед.

Мы ударили по рукам. Словачки конфеты, мальчишки легли на животы и по методу индейцев из пле-

мени гурунов облазали всю комнату. Запонки не было.

Тогда, стыдливо держась за голое горло, я отправился в поход по магазинам искать заднюю запонку. Даю вам честное пролетарское слово, товарищи судьи, что я обошел добрую половину галантерейных магазинов Москвы, начиная с универмага Мосторга и кончая рыночными палатками. Задних запонок в магазинах не оказалось. В лучшем случае мне предлагали переднюю.

— Присобачьте переднюю вместо задней, — хладнокровно советовали мне работники прилавка, обуреваемые рационализаторским зудом.

— Передняя не годится, — мягко объяснил я, — она давить будет. На то она и передняя, чтобы не быть задней.

— Воля ваша, а задних нет. Может, подтяжки возьмете? Хорошие получены...

— Почему нет задних запонок?

— Про то нам знать не дано, — говорили работники прилавка, — не делают у нас задних запонок.

Тогда я решил пойти к своему знакомому ответственному работнику промысловой кооперации — товарищу Зиялову.

Товарища Зиялова я застал дома, — был выходной день. Он сидел в пижаме и читал газету.

— Почему не делаете задних запонок? — спросил я его резко.

Товарищ Зиялов ничего не мог мне ответить. Сначала он стал ссылаться на перегруженность, —

за всем, мол, не углядишь. Потом сказал, что вообще задними запонками должен заниматься Наркомат легкой, вернее даже тяжелой промышленности. А потом начал грубо, заметьте, товарищи судьи, грубо кричать на меня, что, дескать, не надо быть разиней и терять уникальные предметы роскоши.

В этот самый момент я заметил его сорочку, висевшую на спинке кресла. Из сорочки торчала отличная задняя запонка довоенных кровей. Я почувствовал неудержимый зуд в пальцах. Когда Зиялов отвернулся, я в мгновение ока вытащил запонку из его сорочки и сунул себе в карман.

Уверяю вас, товарищи судьи, что по дороге домой я не испытывал никаких угрызений совести, свойственных новичку-карманнику. Напротив, я хищно улыбался, представляя себе, как тучный скупой и бездетный Зиялов будет ползать по полу на животе по методу индейцев из племени гурунов, разыскивая украденный мною уникальный предмет роскоши стоимостью в 25 копеек.

Не могу умолчать, товарищи судьи, что, придя домой, я нашел свою заднюю запонку у себя на кровати. Я спрятал ее под замок. Остальное вы знаете: Зиялов дознался, что я украл у него заднюю запонку, и подал в суд. Спокойно я ожидаю ваш приговор.

Суд удалился на совещание.

Меня оправдали.

(Рассказ художника Ф. РЕШЕТНИКОВА)

КИНОТРАГЕДИЯ

Не надо думать, что весь поход «Челюскина» представлял непрерывную борьбу с трудностями. Мы умели организовать досуг, умели веселиться. В нашей жизни на корабле, а потом и на льдине было не мало веселых моментов.

Каждый праздник, каждое событие мы отмечали вечерами самодеятельности. Кроме стенгазеты, регулярно выходил юмористический журнал «Ледовитый крокодил», световая юмористическая газета, объемные говорящие шаржи и т. д. Мы отмечали не только смешные стороны нашей жизни, но и тяжелые моменты старались облегчить.

Когда «Челюскин» безнадежно застрял на зимовку (момент, прямо скажем, не особенно веселый), мы с Аркадием Шафраном выпустили специальный фильм, посвященный этому тяжелому делу. Фильм назывался «Ледяная трагедия» в 7 частях.

Заготовлен был «фильм» на смывых фотопластинках, которые проектировались на экран из простыни через самодельный проекционный фонарь.

В кают-компании публика занимает свои места. Тушится свет. На экране — заголовок «Трагедия» с перечислением авторов и постановщиков. Это длится примерно полторы минуты. Публика настроилась глядеть трагедию. Жирным шрифтом появляется новая надпись:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Борис Громов заводит патефон; картину сопровождает печальная мелодия. В зале полная тишина.

Затемнение. Меняется кадр. В тяжелых льдах Чукотского моря стоит мрачный, весь помятый «Челюскин». На носу у него большая пробойна. Из пробойны высунулся старком Гудин. Облокотившись щекой на ладонь, он тоскливо глядит вдаль. Кадр уходит в темноту.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Снова появляется та же мрачная стихия, захватившая в плен беспомощного «Челюскина», и тот же мрачный старком в пробойне. Публика терпеливо молчит, полагая, что мы по ошибке повторили кадр.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Затемнение. Стихия. Пробойна. Гудин. Публика начинает слегка роптать. Кое-кто, не осознавши своего тяжелого положения, смеется. Аркаша бросает упрек публике:

— Положение корабля действительно тяжелое, и смеяться тут не над чем!..

До 7-й части менялись только заголовки, а картина была одна и та же. И она была очень похожа на действительность: «Челюскин», зажатый льдами, никуда не двигался уже целый месяц. Поэтому со стороны публики никаких особых нареканий мы не слышали.

Мы только удовлетворили желание масс посмотреть картину из нашей жизни. Зато, когда стали показывать на экране комедию, романы и драмы, то было ясно, что однообразная жизнь была у нас только снаружи, а внутри корабля жизнь шла на полный ход. И когда какой-нибудь кадр выходил из рамки, публика стучала ногами и кричала:

— Рамку! Рамку давай! Сапожники! Рамку!.. Словом, — как в настоящем кино.

12 МЕДВЕЖАТ

Большим успехом пользовалась невинная детская песенка:

Двенадцать медвежат пошли кушаться в море,
И там они резвились, играли на просторе.

Один из них утонул, купили ему гроб.
И вот вам результат — одиннадцать медвежат.
Одиннадцать медвежат пошли кушаться в море...

и т. д. пока не «утопнут» все медвежата. Эту песенку пели хором, под аккомпанемент музыкальных и ударных инструментов, на которых Аркадий Шафран показал свое виртуозное мастерство.

Вначале песенка всем нравилась, но пели мы ее так часто, что В. И. Воронин не раз, бледный, появлялся в кают-компании и умолял скорей прекратить всех медвежат сразу.

Однажды нас попросили устроить вечер самодеятельности. Программу нечем было заполнить, но мы быстро согласились. Сделали объявление собрали публику.

Мы высчитали точно, что если начнем петь медвежат со ста двадцати, то это займет ровно два часа. Мы даже разбили программу на два отделения: в первом отделении будет исполнено шестьдесят медвежат, во втором — остальные шестьдесят.

Но куда эту программу объявили, то публика тоже потребовала единовременной гибели бедных животных. Но мы упорно исполняли нашу программу, несмотря на то, что слушатели стали расходиться быстрее, чем гибли медвежата.

На тридцать первом медвежонке последним покинул зал упорный штурман Виноградов.

3 „МАКРЕМАТ“

В период вынужденной стоянки решили мы устроить конкурс, кто больше чаю выпьет.

Дело в том, что у нас были отчаянные любители чая — это были Марков, Кренкель и Матусевич. Из начальных букв их фамилий был составлен интригующий заголовок «Макремаат».

В начале появилась таинственная афиша:

3 МАКРЕМАТ 3

В течение недели ежедневно афиши менялись. Усиливалась реклама, и население парохода не на шутку было заинтриговано: что же это за «макремаат»?..

Знавшие секрет молчали и даже наводили на ложные догадки.

С каждым днем реклама усиливалась. Кроме афиш, на всех стенах и уборных были расклеены такие листовки в стихах:

Знаешь ли ты,
Что скоро „3 Макремаат 3“?

или:

Не хочу я шоколад,
А пойду на макремаат!

или:

Будь я стерва, будь я гад,
А пойду на макремаат!

или:

Как я рад, как я рад! —
Скоро будет макремаат!

и т. д.

За обедом каждый у себя под тарелкой находил маленький прямоугольничек, на котором было написано — «3 Макремаат 3». В общем реклама была поставлена высоко. Публика была заинтересована крайне, а за это время Кренкель, Матусевич и Марков усиленно тренировались.

Я каждый вечер подходил к столу и тихо спрашивал:

— Ну, как?

Потный Кренкель, вытирая лоб, отвечал:

— Сегодня двенадцать чашек кверху дном поставил. Достижение!

Матусевич виновато рапортовал:

— Десять выпил, больше не могу!

А Марков печально молчал.

— А у тебя как? — спрашиваю.

— Сегодня выпил шесть чашек, и живот заболел. Думаю отказаться. Заранее сдаюсь. Куда

мне за этой цистерной убраться?.. — указал он на Кренкеля и убежал в уборную.

Кренкель нажал на тринадцатую чашку. Матусевич посмотрел на него и сказал:

— Я тоже думаю отказаться.

У меня — волосы дыбом:

— Что вы, братцы! Такая реклама пущена, завтра выступать, а вы хотите сорвать дело!

В общем, кое-как уговорил, только Маркова пришлось заменить.

Разработали план выступления. Трое в масках под музыку пяти патефонов с разными пластинками должны войти в кают-компанию и сесть за стол, каждый против своего медного семейного чайника. Ко всем трем должен был подойти свой массажист с полотенцем, сделать быстро массаж живота и ног.

Главный судья должен был торжественно через рупор сообщать все детали хода соревнования. Например:

— Кренкель пьет девятую чашку!.. Допивает!.. Опрокинул: чашка пуста!.. Вытирает пот вторым полотенцем! Матусевич и Марков сдались!.. — и т. д.

Мы тогда неподвижно стояли в объятиях льдов у острова Колочина.

Была вывешана последняя афиша на разных языках.

Алло, как вас, виноват!
Вы не позабыли о „Макремаат“?
Событие произойдет
Раньше, чем тронется лед!
Раньше, чем увидим в погоде перемену,
3 Макремаат 3 взойдут на арену.
3 Макремаат 3 — единый аккорд!
3 Макремаат 3 — мировой рекорд!
Чемпионы Северовосточного прохода!
Событие необычайного рода!
Первый раз,
Только у нас
Состоится
И может не повториться!
Запасайтесь терпением!
Результаты с превышением!
Завтра — ровно в три —
!!! 3 МАКРЕМАТ 3 !!!

Но на завтра был назначен аврал по обколке ледокола, продолжавшийся семь дней. «3 Макремаат 3» не состоялся.

В ЧУКОТСКОЙ ЯРАНГЕ

Во время нашего перехода из Ванкарема в Уэльен нам на ночевку приходилось останавливаться в чукотских ярангах.

Скудные свои запасы продуктов мы распределяли в первую же ночевку между собой и семьей нашего хозяина. Наевшись, хозяин стал набивать табак трубку, сделанную из русского патрона.

Хозяин был в одних меховых кальсонах. По низкому столику, за которым мы обедали, ползали два маленьких голых ребенка лет по 5—6, подбирая остатки обеда, а после пошли закусывать материнским молоком: чукчанки кормят детей грудью до 8 лет.

Я угощаю папирсой старика, тянется за папирсой и старуха. Старик показал на мать, кормящую детей, что-то проворчал по-чукотски. Я догадался: угощаю и ее.

Чукчанка берет три папирски — одну кладет себе в рот, а остальные раздает своим... сосункам. Те на минуту прекращают трапезу, с важным видом берут папирсы и прикуривают. Выпустив дым, они снова пристраиваются к матери, держа между пальцами дымящуюся папирсу. А, посавав немного, опять затачиваются и опять начинают сосать. Чукчи табак очень любят.

ЧТО НОВЕНЬКОГО?

«Шумная толпа загромила улицу Дарю...» Так начинается пространная заметка в «Возрождении», озаглавленная «Свадьба А. Э. Мдивани».

По какому же случаю шумная парижская толпа загромила улицу Дарю?

«Один из трех братьев Мдивани венчался с американской миллионершей Варварой Хеттон, наследницей миллионов Вульворта».

Лейб-орган черной сотни в Париже дает мимоходом сведения о других двух братьях Мдивани. Первый — женился на киноартистке Полла Негри, второй — разводится с кинематографической звездой Мэй Муррей.

Какое упоение, какой неземной восторг вызвала великосветская свадьба в душе сотрудников «Возрождения».

«По случаю торжества русский храм Александра Невского на улице Дарю преобразился, — захлебывается «Возрождение», — над двором был устроен громадный шатер, превращенный внутри в оранжерею. Церковь была убрана белыми розами и лилиями. Швейцары в белых чулках встречали у входа приглашенных. Никогда еще улица Дарю не видела таких ослепительных туалетов, такого количества цилиндров и визиток...»

«Русских в церкви почти не было, — поясняет сочинитель свадебного отчета. — Венчал отец Яков Смирнов с отцом Георгием Спасским и грузинский священник. Исключительно пел увеличенный до 30 исполнителей метрополичей хор».

По окончании богослужения молодые принимали поздравления в шатре. Среди поздравителей обращали на себя внимание господин Ной Жордания, бывший грузинский министр иностранных дел Е. П. Гегечкори и бывший грузинский посланник в Париже Чхенкели».

Таким образом грузинские меньшевистские министры пришли чествовать дорогого родича, удачно женившегося на наследнице миллионов Вульворта.

«В результате этой свадьбы миллионеров церковь обогатилась новым ковром и люстрой в алтаре». О том, что перепало гостям, мы так и не узнали.

Орган русских черносотенцев в Париже до сих пор не может забыть щедрот четы Мдивани. В заметке о встрече Муссолини и Гитлера в Венеции он услужливо сообщает читателям, что в апартаментах Гранд-Отеля, которые были предоставлены Гитлеру, останавливались Эдуард VII, король Англии, бывший испанский король Альфонс XIII, греческий король и чета Мдивани.

Известно, что вождь русских фашистов, некто А. А. Вонсяцкий, тоже женился на наследнице чьих-то миллионов.

Почему бы «Возрождению» не выдвинуть новую кандидатуру в русские фюреры?

Почему бы вместо неизвестного господина Вонсяцкого не сделать вождем русских фашистов знаменитого Мдивани? Во-первых, он побогаче Вонсяцкого, во-вторых, он останавливался в тех самых комнатах, которые потом обессмертил своим визитом фашистский вождь.

Сколько во Франции оставшихся министров?

Ответ: двести тридцать пять (235) персон.

Желаете знать, сколько их заседает в палате депутатов?

Ответ: сто семьдесят два (172) человека.

Таким образом каждый третий депутат — бывший министр. А остальные?

Остальные, если не считать коммунистов, хотят быть министрами.

Журналист Жео Лондон, прославившийся антисоветским враньем, сейчас, можно сказать, не у дел. Читатели «Журнал» разочаровались в боевой теме Жео Лондона. Надо же жить, и Жео Лондон опубликовал труд с парижских собак.

Парижские собачки, оказывается, кокетливы, веселы, умны, как — прирожденные парижанки. По этой, должно быть, причине для парижских собачек держат особые рестораны и бани. Так и называются: «бани для собак». Не вдаваясь в характеристику парижских собак, остановимся на одном тезисе произведения Жео Лондона:

«Парижские собаки не попадают под автомобили. Дают, главным образом, собак из провинции», — утверждает Жео Лондон.

До чего может дойти человек, которого лишили хлебной темы.

Жалеть таких надо.

Клайнс, социал-фашист, бывший министр во втором кабинете Макдональда, поделился с присутствующими на митинге своим мнением о премьер-министре Англии Макдональде:

«Первый министр счел возможным говорить о честности в политике, но Макдональд — последний человек в мире, который смеет говорить о честности. Вся его политика сплошной обман».

Допустим, что Макдональд — последний человек, а Клайнс предпоследний.

Интересно бы услышать, что скажет Макдональд о Клайнсе.

С неким г. Вакаром, сотрудником парижских «Последних новостей», приключилась неприятность. К нему пришел неизвестный господин и скромно сказал:

— От лица пятидесяти офицеров прошу вас оставить в покое имя лейб-гвардии грендерского полка.

Тут пошел между посетителем и сотрудником газеты интимный разговор по поводу дел в белогвардейском общевойсковом союзе.

— Прошу меня не учить... — сказал г. Вакар и добавил непечатное слово.

— После этого я ударил его по лицу, от чего он отлетел в сторону, — скромно признается собеседник г. Вакара.

Так описывает этот факт «Возрождение». «Последние новости» излагают его несколько иначе. По их данным, защитника лейб-гвардии грендерского полка спустили с лестницы.

Но так как остается еще сорок девять неиспользовавших свою мускульную силу офицеров, можно посоветовать редакции повесить на дверях плакат, два года подряд висевший в редакции одной южноамериканской газеты:

«Все наши сотрудники боксируют и стреляют первыми».

— Почему два года? — спрасят читатели. Потому что на третий год редакцию взорвали динамитом и газета закрылась.

Л. НИКУЛИН.

Рис. А. Топикова

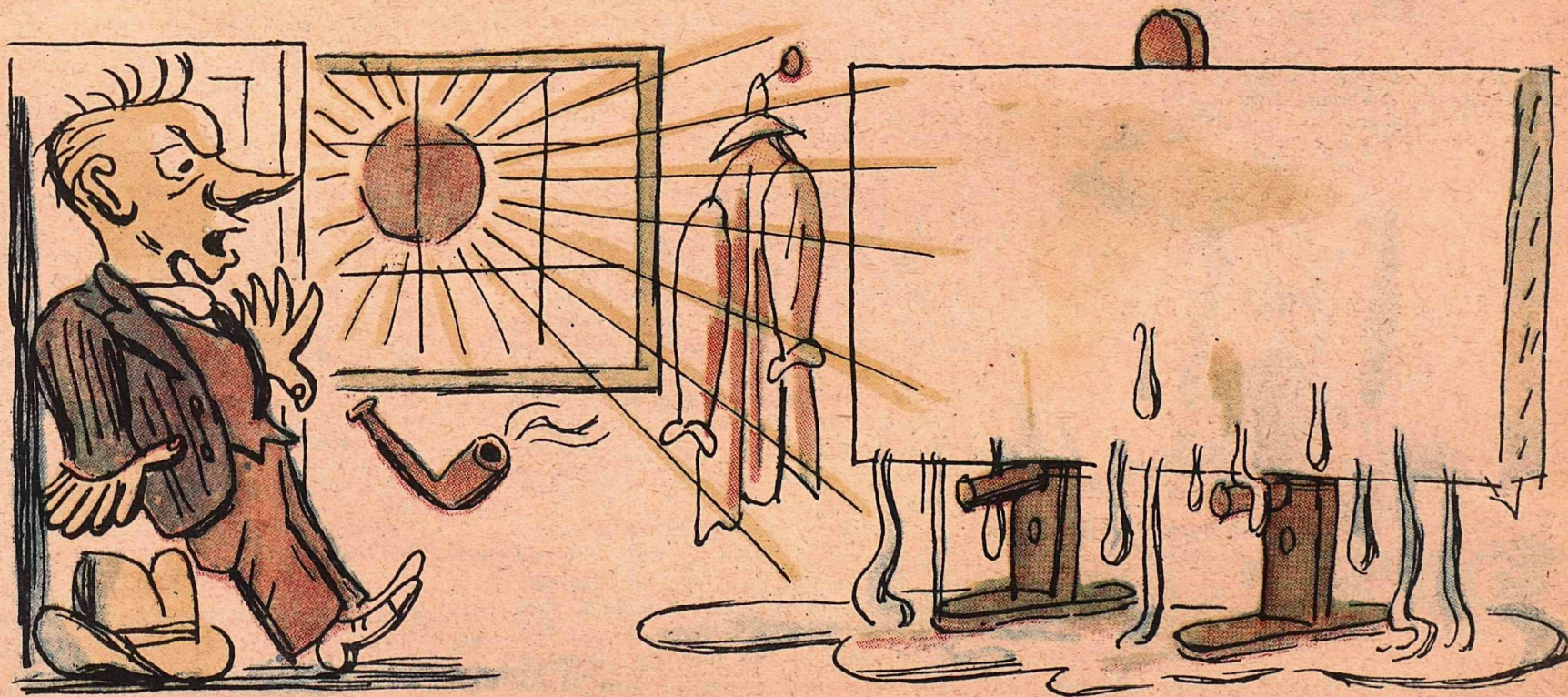
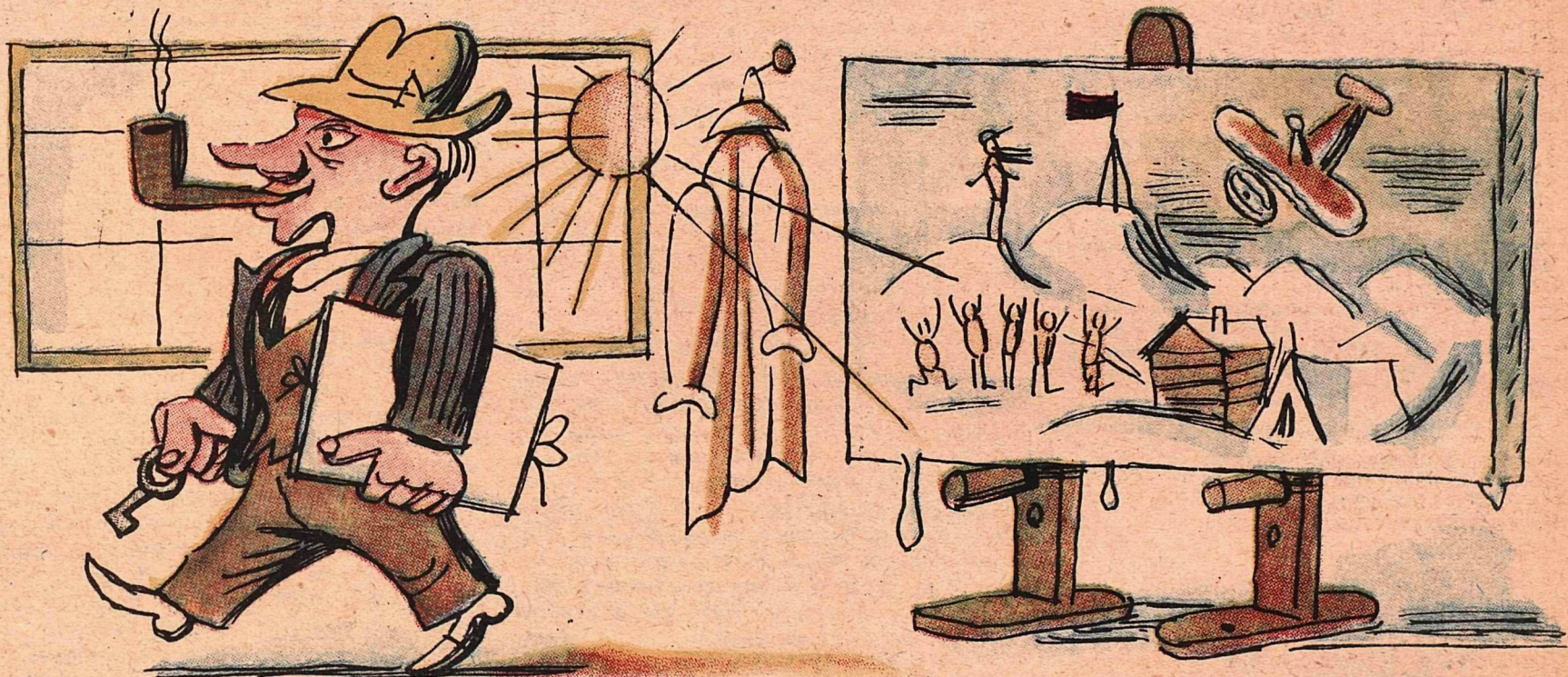
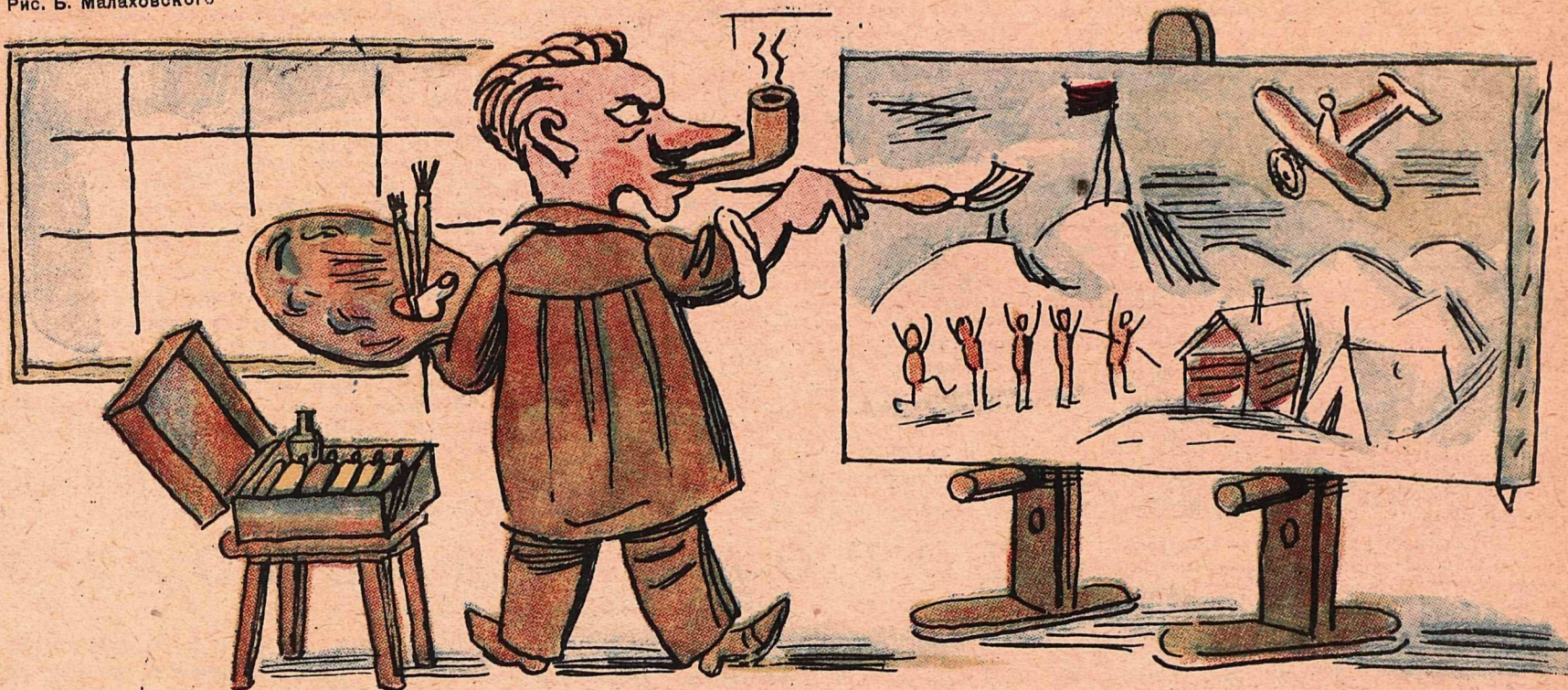

Горный пейзаж на Ворошиловском металлургическом заводе.

ЕЩЕ О КАЧЕСТВЕ КРАСОК

(Вместо длинной докладной записки)

Рис. Б. Малаховского

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ИЗ-ЗА ПЛОХИХ КРАСОК РАСТАЯЛА ХОРОШАЯ КАРТИНА.

ВИНОВАТ ВЕТЕР

Ветер — типичный мелкий пакостник. С тех пор, как его отменили в качестве незаменимого двигателя, он обзавелся и занимается уличным хулиганством. Это он срывает шляпу, когда обе руки заняты покупками, это он бесстыдно вздувает парусами мокрые кальсоны на веревке, это он месяц назад вырвал из рук у Бориса Платоновича Ткачукова почтовую повестку, погнав ее по земле, взвил вверх и погнал в неизвестном направлении.

Борис Платонович гнался за повесткой, то пытаясь наступать на нее ногой, как на ускользающую змею, то подпрыгивая вверх, как расплавленный второклассник. Хватался в отчаянии за голову, взывал о помощи, но все было напрасно: повестка убегала. Население Новой Баварии (Харьковская область) изумленно выглядывало из окон и степенно делилось впечатлениями:

— Ученый скажет... До чего же это человека насекомых довели...

Но Борис Платонович не слушал этих сентенций. Почувствовав, что стихия победила и ветер не отдаст ему повестки, он уже бежал к Новобаварскому почтовому отделению с той шумной безнадежностью, с какой опоздавший пассажир бежит за экспрессом.

— Слушайте, — вытирая пот и отдуваясь, сказал он начальнику Новобаварского почтового отделения. — Вы меня знаете... Я у вас часто бываю. Моя фамилия Ткачуков. Я энтомолог. Я начальник цеха наглядных пособий. Я снабжаю весь округ коллекциями насекомых-вредителей... Понимаете, для борьбы с полевыми вредителями... Насекомыми...

— Так мы же по почтовой части, — зевнув, сказал начальник, — а вы — по насекомой. Мы здесь не при чем...

— Послушайте... Товарищ дорогой... Мне пришла посылка из Ташкента... Вот она как раз сзади вас стоит...

— Ну, так и получите, — равнодушно сказал начальник, начав свертывать самокрутку, — нам вашей посылки не надо.

— Дело в том, что я получил повестку. Маленькую такую. А у меня ее вырвало ветром. Но вы не беспокойтесь, — у меня с собой паспорт, у меня удостоверение, у меня...

— А повестка?

— Я же вам говорю: ветер. Честное слово, я ее ловил... У меня есть свидетели, как я бежал...

— Бег тут не при чем, — уже настороженно заметил начальник станции, — бегать каждый может. Давайте вашу повестку.

— Нет у меня повестки. Я же знаю, откуда посылка, у меня есть паспорт... В ней же живые насекомые... Гусеницы...

— Это нам все равно, что кому посылают. Кому колбасу, кому носки, кому гусеницы.

— Они же жрать должны, понимаете?

— А это не наше дело. Мы посылки кормить не обязаны.

— Позвольте... Ну, как же это! — стонал Ткачуков. — Гусеницы же. Из Ташкента... Живые... Они же сдохнут...

— За сдохнувшие посылки не отвечаем. Предъявите повестку и делайте с вашими гусеницами.

— Ветер же... Я вам говорю: ветер!

— Один скажет ветер, другой скажет дождь, а мы отвечаем? Так по-вашему? Предъявите вашу повестку, гражданин Ткачуков, Борис Платонович.

— Паспорт с собой... Гусеницы сдохнут... Из Ташкента... Вы же меня знаете... Кормить их надо...

— Ну, что это за люди такие... Вас что же, выводить, что ли, отсюда? Вы чего не понимаете-то? Вот он — я, вот вы — вы, вот посылка, а повестка где, я спрашиваю? Нет ее? До свиданья!

Борис Платонович Ткачуков, пошатываясь, вышел из почтового отделения, сел на лапочку, закурил и стал думать о том, как через некоторое время сдохнут ценные экземпляры ташкентских гусениц. Он вспомнил, как еще в царское время он вез с собой из Цейлона и Соломоновых островов богатую коллекцию насекомых и усатый таможенник хладнокровно резал ножом живые куколки в поисках контрабанды. Он вспомнил, что сейчас в округе ждут от него редких экземпляров насекомых такие же пытливые, старательные и честные работники, как он... Он вскочил с лавочки, снова вбежал на почту и сказал тихо и умоляюще:

— А может, все-таки отдадите моих насекомых?

— Опять вы здесь, гражданин? — ковыряя в ухе, отмахнулся начальник. — Ну, сколько раз вам надо говорить. Есть у вас повестка? Нет. Чего же вы от нас хотите?..

Ткачуков медленной походкой шел домой. Гусеницы дохли. Ветер где-то в пустынном переулке нахально играл белым клочком бумажки.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В гор. Энгельс (АССР нем. Поволжья) очень добросовестная квасопроводящая сеть, и никто не возражает против этой добросовестности. Но войди в положение населения, которое читает ежедневно над квасными киосками следующее предупреждение:

Квас приготовлен с прибавлением сахара.

Не рекомендуется употреблять:

1. Беременным.
2. Детям.
3. Почечным больным.
4. Престарелым.

Госинспектор (Манихина)

Очень хорошо, что престарелые предупреждены и будут сами отвечать за возможное несчастье после такого кваса. Не плохо и то, что родители должны торопливо отводить детей от квасных киосков, во избежание катастрофы. Да и с почечными больными поступлено по-человечески. Но, спрашивается, зачем делать такой квас, который не столько может облегчить жажду населения, сколько испугать его и навести на грустные размышления?

А. КРЕУС.

г. Энгельс.

Дорогой Крокодил!

Я бы не стал беспокоить тебя из-за мелкой кражи, которая кончается милицейским протоколом. Здесь дело значительно хуже. В ночь на двадцать четвертое июня был обокраден город Калинин (БССР), и все обошлось совершенно без милицейского протокола. Было бы не деликатным утомлять тебя и твоих читателей подробным описанием украденного, но не могу не упомянуть: о лошадях, увезенных из леспромхоза, о пожарной машине, украденной в соседнем совхозе, о быках — оттуда же и, наконец, о нескольких коровах, пропавших в эту ночь с городской бойни. Все эти трофеи лихого налета на маленький городок на другое утро покоились, мычали и били копытами на дворе горсовета.

Что же касается милицейского протокола, то его не могло быть по той простой причине, что милицейские и бригадмилловцы были слишком заняты в эту ночь. Это именно они и украли и коров, и лошадей, и пожарную машину. Это был так называемый «показательный налет» на город и его окрестности с целью проверки бдительности

сти сторожей. Ты понимаешь, дорогой Крокодил, что в такой проверке по существу нет ничего плохого, но проводится она и у нас в Калинин, и в Горках, и в Бельничках, и в Мозыре такими пинкертоновскими способами (с передеваньями, с паролями, с таинственным шопотом), что только дискредитирует самое себя. Теперь население, напуганное бригадмилловцами, крепче запирает замки и засовы не столько от настоящих грабителей, сколько от «показательных налетов»...

А. АРОНСОН.

Мозырь.

Дорогой Крокодил!

Ты, наверное, не раз читал и слышал об отважных истребителях волков, и мне заранее известно твое отношение к этим храбрым людям и их полезному делу. Теперь мне интересно узнать твое отношение к тем периферийным работникам, которые полагают, что самое полезное в волчьей проблеме на местах — это всемерное размножение волчьего поголовья. Для того чтобы не быть голословным, приведу тебе факт, о котором лучше всякого пересказа говорит следующий подлинный документ:

«БЕЛЗАГОТПУШНИНА
ДОЕВСКИЙ 3/ПУНКТ
10/У1-32 г.
№ 156 г. Доев.

КОПИЯ.

Минск. Уполномоченному т. Волынской по БССР.

Довожу до вашего сведения, что Доевский секретарь Райкома партии тов. Кирущенко был в Бувальках того же с/с. Доевского района в мае месяце, где наши охотники поймали 9 штук волченят на болоте Котов Мох и советовались как их направить в Доев или живыми или убить и пошли к Кирущенко в с/совет спросить как лучше сделать, а т. Кирущенко их обругал всякими матерщинами и заставил отнести туда, где их ввзяли, а то говорит, что волчица рассердится и порвет все стадо ваше и охотники вынуждены были отнести назад. Теперь у нас смеются охотники, что будем волков разводить, чтобы они стадо не трогали.

Прошу вашего содействия на таких руководителях, чтобы больше так не делали.
Заведующий Заготпункта (Пинчук).

Ответь, дорогой Крокодил, что же делать в дальнейшем, истреблять ли волков или заботиться о волчьем поголовье?

Уполн. НКВТ по БССР И. ФЛИД.

Минск.

ПО АНТИЧНОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Фотомонтаж Б. Клинка

14 Мальчик в буцах, вынимающий занозу.

ЖЕРТВА ГОМЭЦ

Рис. Н. Ротова

22201

АРХИВ
2. 9 ИЮЛ 1936.
Г. Ц. К. П.

- Ты чего это здесь нищенствуешь?
- Я не нищий. Я от ГОМЭЦ.
- А почему шляпу в руках держишь?
- Потому что ГОМЭЦ не платит.